

Сергей Салтыков

Сергей Салтыков (Першаков Сергей Михайлович) – родился в 1960 году в г. Макеевке Донецкой области. Родители – переселенцы из Ардатовского района Горьковской области. В 1983 году окончил Запорожский государственный медицинский институт по специальности «лечебное дело». В 1984 году – Ленинградские высшие курсы МВД СССР. В 1989 году – Харьковский юридический институт им. Ф. Э. Дзержинского. Служил в уголовном розыске, Управлении по борьбе с организованной преступностью, подполковник милиции. С 1999 года – пенсионер МВД. В 2012 году переехал в Нижний Новгород. Автор книг: «Три Родины» (2016), «Сергеи» (2018), «Проект Земной Разум» (2019), «Стоимость Человека» (2021). Живёт в Приокском районе Нижнего Новгорода.

АТАВИЗМ

Около трёх лет назад на действующей железнодорожной ветке в полукилометре от нашего микрорайона соорудили временную платформу для остановки пригородных электричек. Деревянная, неказистая и короткая, она изначально была рассчитана на небольшой пассажиропоток пенсионеров и людей без личного автотранспорта. Я в числе десятка пенсионеров нашего квартала в летние месяцы пользовался ею для поездок на дачу. Платформа размещалась рядом с густой неширокой лесополосой, зажатой с одной стороны насыпью железной дороги, с другой – обочиной асфальтированной дороги местного значения. В образованной ими ложбине после весеннего паводка ежегодно возникала солидная болотистая лужа. За последние годы по её срединной продольной оси выросла густая непролазная полоса довольно высокого кустарника. Таким образом, в центре лужи даже в период её полноводия располагался продолговатый остров, заросший непролазными зарослями. Несмотря на две дороги, место оказалось довольно диким и безлюдным. Это, наверное, и послужило главной причиной того, что в зарослях кустарника который сезон подряд гнездилась и выводила потомство дикая утка. Такому необычному выбору способствовала также и хорошая кормовая база – всё лето болотистая лужа была покрыта плотным ковром ряски. Периодически утка с шестью утятами покидала своё укрытие в кустарнике и на радость ожидающим электричку дачникам вольготно кормилась на открытых участках лужи.

В это утро, ещё на подходе к платформе, понял, что на луже происходит что-то необычное и явно неприятное. Всегда спокойно и молчаливо сидящие на лавочке дачники в этот раз, как по команде выстроившись вдоль ограждения, смотрели в сторону лужи, периодически что-то комментируя взволнованными голосами и жестами вытянутых рук. Поднявшись на платформу, быстро понял и оценил происходящее. Весь просматриваемый периметр лужи был «окружён» стаей собак. По свободной от ряски полоске воды вдоль островка с тревожным криком полуплыла-полулетела, хлопая крыльями, утка-мать. За ней, жалобно попискивая, тоже взмахивая неокрепшими, едва начавшими оперяться крыльями, – трое утят. Отставая на три-четыре метра, за ними, мощными прыжками выбрасывая сильное тело над поверхностью воды, гналась довольно крупная собака грязно-коричневой масти. В быстром движении, с мокрой шерстью и с довольно приличного расстояния трудно было точно определить её породу. Больше всего походила на дворнягу, переводка восточноевропейской овчарки.

В это же самое время метрах в двадцати по ходу их движения из зарослей островка с таким же писканием выскочили и шумно плюхнулись в воду ещё два утёнка. Один из них направился в сторону матери, а другой – в перпендикулярном направлении от островка, к ближайшему от платформы берегу. Буквально через считанные секунды по их следам из кустарника с шумом и рычанием выскочил ещё один крупный пёс. Растерянно повертев мордой, словно решая трудную задачу по выбору цели

преследования, такими же крупными прыжками кинулся за утёнком, плывущим навстречу матери. Плывший в нашу сторону утёнок был уже в двух метрах от берега лужи, когда ему навстречу из прибрежных кустов бросилось мохнатое белое подобие болонки. В охотничьем азарте вскочив по брюхо в воду, эта декоративная пародия на хищника быстро опомнилась и так же быстро вернулась на берег. Утёнок круто развернулся и поплыл назад к острову. Он явно видел, как его мать-утка с четырьмя утятами, буквально в метре от двух рычащих пастей, успела скрыться в непролазных зарослях острова. Взяв правее, смельчак последовал их примеру и быстро исчез почти в том же месте, из которого появился несколько минут назад.

Два здоровых пса, упустив утку с выводком, на какое-то мгновение застыли друг перед другом. Потом резко бросились в разные стороны. Один рванул в обход, другой – через заросли, вглубь островка. Через несколько секунд с той стороны донёлся разноголосый возбуждённый лай как минимум ещё двух-трёх собак.

Уже из вагона отправляющейся электрички, когда изменившийся угол обзора приоткрыл часть противоположного берега лужи, заметил ещё двух собак среднего размера. Одна поднятым вверх бубликом хвоста чем-то напоминала лайку, другая, поменьше, с обвислыми ушами – спаниеля. На расстоянии 10–15 метров друг от друга обе гарцевали по кромке берега и азартно лаяли в сторону острова. Поднявшийся в вагон вместе со мной пожилой дачник, прибывший на платформу немного раньше, в разговоре уточнил, что насчитал в этой хищной стае восемь беспородных особей.

Всю дорогу до своей дачи осмысливал впечатление от увиденного. Ещё с медицинского института хорошо помнил звучный и загадочный медико-биологический термин – «атавизм». Его смысловое значение охватывало широкий круг анатомических и физиологических изменений, переданных потомству по наследству родителями, лишёнными этих признаков уже на протяжении многих поколений предков. И в отношении человека, и в отношении животных этот термин в основном употреблялся по поводу анатомических изменений организма, но по своей сути был также применим и к явным изменениям привычного и адекватного поведения. Я понимал, что меня взволновала и озадачила не теоретическая возможность возврата охотничьего инстинкта у разных пород одомашненных собак, а именно увиденный механизм его практической реализации. Когда, где и при каких обстоятельствах соорганизовалась данная стая, где она обитает!? Каким образом они узнали об утином выводке? Как сложилось такое взаимопонимание и координация действий между членами стаи!? Если наблюдавшаяся с платформы охота окажется удачной, в чём не стоило сомневаться, как это отразится на самой стае, доступных им диких и домашних животных? Отсутствие однозначных и убедительных ответов на эти первоочередные вопросы влекло за собой целый каскад второстепенных вопросов и размышлений. Правильна ли в стратегическом плане политика властей и зоозащитников, ограничивших решение вопроса бродячих, бесхозных собак в городах лишь их учётом, стерилизацией и чипированием!? Как предотвратить нападение подобных стай на людей, особенно малолетних детей!? Как изменится численность популяции бродячих собак в случае существенного снижения жизненного уровня населения страны? Возможно ли вмешательство в данную проблему более подготовленных специалистов, включая генетиков с последними достижениями генной инженерии!?

Возвращаясь через день обратно, ещё на подъезде к той платформе снова вернулся мыслями к происшедшему. Теперь оно уже не казалось таким драматично-пессимистичным. Конечно, утят было искренне жаль! Но ведь кроме собак есть ещё лисы, куницы, хорьки и масса других традиционных обитателей нашего лесистого региона, для которых подрастающая дичь служит естественной повседневной пищей. А наблюдаемый мною накануне хищный азарт, охотничий блеск глаз, возбуждённое рычание и разноголосый лай – не повод и причина для резкой смены моего отношения к собакам.

Не поленившись, уступая всё нарастающему интересу, сойдя с платформы, отправился на берег лужи. Отсутствие полосок чистой воды в сплошном ковре из ряски указывало на то, что сегодня здесь никто не плавал и не кормился. Метров через десять увидел в траве ворох серо-коричневых перьев. Дальше идти не хотелось. Было ясно, что в этот раз атавизм взял верх над эволюцией одомашнивания. Даже если кроме взрослой утки уцелел кто-то из утят, они покинули это место при первой же возможности и вряд ли когда-нибудь вернуться сюда в будущем.